

ТЕОРЕТИЧНІ ПРОБЛЕМИ МОВОЗНАВЧІ СТУДІЇ

Мартина ШВЕЙ

© 2002

К ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВЫХ АНЕКДОТОВ (КОНТРАСТИВНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ)

Иностранцы, даже довольно хорошо владеющие русским языком, чаще всего не обладают этнокультурными знаниями, необходимыми для адекватного восприятия языковых анекдотов, т.е. анекдотов, юмористический эффект в которых создается за счет языковой игры. В процессе дистантного обучения поляков русскому языку и литературе, к сожалению, упускается из вида не только страноведческая информация (обычно она до предела минимализирована), но и фактор квазианалогичности систем русского и польского языков, т.е. их мнимого грамматического, деривативного, фонетического или лексического соответствия. Этот фактор негативно воздействует не только на процесс восприятия анекдотов, занимающих в русской культурной жизни значительное место, но и является причиной различного типа коммуникативных сбоев на самых различных уровнях коммуникации. С этим связаны также трудности в восприятии традиционных для российской культуры «бродячих сюжетов» или типичных коммуникативных моделей, узнаваемых при пародировании или построении высказывания, аналогичного по структуре какому-нибудь известному анекдоту. Также и анекдоты часто возникают как реминисценции каких-то известных текстов. Такие макросинтаксические модели хорошо знакомы носителям русского языка. Они практически подсознательно чувствуют специфику текста. Иностранцы таким языковым чутьем не обладают, и им нужно всему учиться сознательно, что снижает эстетический и этико-социальный характер восприятия, предполагающий функциональное преобладание эмоциональной, а не рациональной рефлексии. Русские многократно подчеркивают, что анекдот следует не понимать, а чувствовать. Здесь необходимо обратить внимание на тот факт, что внимание русских к характеру речи намного выше, чем у поляков. Поляки слушают, скорее *что говорится*, русские же — что *имеется в виду*. Поэтому количество т.н. «языковых» или «лингвистических» анекдотов, состоящих в обыгрывании самой речевой канвы высказывания в русской культуре несоизмеримо больше, чем в польской. Польские анекдоты чаще ситуативны и сюжетны. Поэтому мы подробнее остановимся на тех русских анекдотах, в основу юмористического эффекта которых положена собственно языковая специфика.

Вопрос адекватности перевода языкового анекдота заключается, в первую очередь, в определении, на чем основан его юмор, какие языковые модели в нем обыгрываются. Принимая во внимание собственно языковые признаки мы выделили несколько групп, к которым будем относить определенные анекдоты. Это не столько классификация, сколько типология, так как мы предлагаем не жестко противопоставленные классы, а шкалу, на которой расположены анализируемые нами типы анекдотов. Очень часто

юмористический эффект базируется сразу на нескольких языковых факторах, поэтому в ходе типологизации случалось относить их одновременно к двум или трем группам. Таким образом, границы отдельных групп в типологии неизбежно проницаемы.

На уровне текста (т.е. не на жанровом, а на собственно вербальном уровне) мы выделили три группы анекдотов по признаку релевантности средства достижения юмористического эффекта: *лексические*, *формально-грамматические* и *фонографические* анекдоты. В лексических анекдотах берется во внимание юмористическая игра со значениями лексических единиц (синонимией, антонимией, актуализацией или трансформацией семного набора) или их формой (омонимией, паронимией, трансформацией формы языковых клише, фразеологизмов, паремий)¹, а также игра, основанная на использовании их специфических маркирующих признаков (заимствованная лексика; неологизмы и архаизмы, стилистически и прагматически ограниченная лексика).

Среди формально-грамматических анекдотов мы выделили: словообразовательные (использование гомеоптонов, этимологических фигур, реэтимологизаций, словообразовательной декорреляции,okkaзиональных морфонологических изменений в структуре деривата), морфологические (игра со сходством или нагромождением аналогичных словоформ, нарочитой ошибочностью морфологических форм, стилистическими или диалектными девиациями) и синтаксические (игра с построением фразы, синтаксическими параллелизмами, повторами, эллипсисами, антитезой, нанизыванием однородных членов, дефинициями, синтаксическими осложнениями, использованием шаблонных синтаксических моделей вплоть до моделей текста).

Относительно фонетических и графических анекдотов необходимо отметить, что есть анекдоты, которые изначально ориентированы либо на письменную, либо на устную форму внешнего означивания. Именно в ходе фонации или графического их оформления создается юмористический эффект.

1. Лексические анекдоты

Все лексические анекдоты мы разделили на подгруппы по трем критериям:

1) формальному (аналитический принцип, синтактика по Пирсу): словесные / клишированные / фразеологические / паремические;

2) семантическому (принцип значения, семантика по Пирсу): антонимия / синонимия / омонимия / омонимойдность (полисемия) / паронимия / актуализация семантики / трансформация семантики;

3) функциональному (сфера применения, прагматика по Пирсу): территориальные или социальные диалектизмы / стилистика / заимствованная лексика / неологизмы / архаизмы.

Огромное количество языковых анекдотов строится на обыгрывании фразеологизмов, языковых клише, паремий и других устойчивых лексико-синтаксических конструкций. Они занимают свое определенное место в языковой картине мира, и за ними стоят понятия, обладающие собственным местом в когнитивной картине мира. Они знакомы носителю данной ментальности и данного языка (в нашем случае русского) и смысловое или формальное обыгрывание их становится вполне понятным, и не нуждается даже в приведении образцовой фразы. Хотя анекдот и рассчитан на новизну, на то, что он впервые рассказывается слушателям, но все же наличие клише того или иного рода «делает возможным функционирование анекдота в определенной культурной и языковой среде. Анекдот понятен слушателям потому, что им знакомы языковые и внешние характеристики

¹ Например, разложение таких устойчивых аналитических единиц может сопровождаться реэтимологизацией их составных и вести к буквализации их значения.

персонажей и клишированные модели построения анекдота. Поэтому так часто анекдоты непонятны детям, еще не овладевшим условными клише, характерными для анекдотов, и носителям другой культуры, даже если они хорошо знают язык, на котором рассказывается анекдот»². Анекдоты, в которых обыгрываются языковые клише, мы будем относить к лексической группе, но, поскольку эти языковые единицы коррелируют одновременно с синтаксическими моделями речепроизводства — моделями словосочетаний, предложений (напр., дефиниции, вопроса, ответа, этикетные формулы приветствия, благодарности), диалога, текста (молитвы, тоста, инструкции и под.), они найдут свое место также и на другом конце нашей шкалы.

Но одновременно в анекдотах такого типа придется обращать внимание на фонетический, а точнее интонационный фактор, поскольку соответствующая интонация играет в них текстообразующую, а иногда и смыслообразующую роль. Поэтому некоторые языковые анекдоты могут быть одновременно включены в разряд лексических, синтаксических и фонетических.

К стандартизирующим лексическим компонентам текста анекдота, согласно Е. Я. Шмелевой и А. Д. Шмелеву, могут быть отнесены: *стандартные зачины* (напр., *Приходит муж домой...* или *Врезается "Запор(ожец)" в "Мерс(едес)"...*), допускающие наличие переменной в клишированной формуле, *элементы языковых масок*³ — языковая маска героя анекдота должна включать в себя использование клишированных формул, условных сигналов, делающих героя узнаваемым, *клишированные детали* — внешность, одежда и прочие аксессуары. Не всегда ведь эксплицитно сообщается, что герой анекдота — представитель этнической или социальной группы. Это часто становится понятно только из специальных условных сигналов в речи персонажа или по его внешнему виду.

*Едут в такси на переднем сиденье, рядом с водителем Чукча, а на заднем - Грузин.
Водитель спрашивает Чукчу: "Вам куда?" А Чукча только и умеет по-русски спросить: "Как диля?" - "Куда-куда?" "Как диля?!" - "Не понимаю," - "Как диля?!"
Водитель оборачивается к Грузину: "Что он говорит?" - "Патамучто!"*

Пародия на разговор в такси сопровождается здесь с широким использованием клишированных конструкций и апеллированием к фонетике русской речи представителей других народов.

Постоянное и не соответствующее стандартам русского языкового употребления использования слова «однако» является в анекдотах неотъемлемой языковой маской «Чукчи»:

*Встречаются двое чукчей:
— **Привет**, козел!
— Сам **привет**, однако.*

В данном анекдоте лексический маркер «однако» уступает обыгрыванию чисто синтаксической модели отгоровки на обзывательство «Сам (ты) ...» или «От ... слышу», усложненному логической метатезой аргументов формулы (привет — козел), служащей для подчеркивания глупости героя. Совмещение лексического и синтаксического аспектов создает совершенно иной эффект в аналогичном по модели анекдоте:

*— Вы осел, **сэр!**
— От **сэра** слышу!*

2 Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев Рассказывание анекдота как жанр современной русской речи: проблемы вариативности // Жанры речи: сборник научных статей. Саратов, 1999

3 Понятие "языковой маски" было, по-видимому, впервые введено Г. О. Винокуром. См. его "Горе от ума" как памятник русской художественной речи // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 257–300.

Анекдот также строится на синтаксической модели отговорки, но введение типично английского ритуально-вежливого «сэр» превращает весь разговор в чопорную беседу с «тупым лордом».

В «кавказских» анекдотах герой часто использует вопросительное да? — в том числе в конце побудительных предложений, что противоречит нормам русского литературного языка («Скажи, да?»; «Принеси, да?»). Вопросительное «да?» входит в состав клишированной формулы «обидно, да?», которая используется в составе речи персонажа-грузина в целом ряде анекдотов и произносится со специфическим «кавказским» акцентом.

*Грузин купался и стал тонуть. Увидел прохожего, хочет позвать на помощь, но вот беда — забыл как это сказать по-русски. А прохожий идет мимо. Тогда грузин набрался сил и кричит: "Последний раз купаюсь, **обидно, да?**".*

Огромное количество анекдотов строится на буквализации фразеологизмов или игры омонимами и омонимоидами, в результате чего возникают **каламбуры**, вроде:

Пасха, встречаются два новых русских:

- *Христос воскрес!*
- *Мля, базара нет, что делать будем?! Снова шлепнем или пока на бабки выставим?*

Лежат под пальмой пантера Багира и медведь Балю.

- *Видишь, Багира, вон те кокосы на верхушке?*
- *Вижу.*
- *А ты их **достать** не можешь.*
- *Не могу, Балю.*
- *И я их **достать** не могу.*
- *Да, и ты не сможешь.*
- *Только Маугли может **достать** их.*
- *Да, Маугли кого хочешь может **достать**.*

– *Алло, Международный Валютный Фонд?*

– *Да!*

– *Вы обещали **перевести** деньги.*

– ***Переводим**, деньги это «топеу».*

*Штирлиц второй час **шарил по Вене**. Но то ли игла была толстая, то ли состав не тот — кайфа не было.*

В последнем случае чисто лексический характер анекдота осложняется фонографическим его характером. Написание «Вена» с заглавной буквы референтивно ориентирует читателя на восприятие словоформы «шарит» как глагола движения («бродил»), в то время как последующий контекст вскрывает омонимичность этой формы («совал, пытаюсь попасть»). Омонимичные каламбуры наиболее часто встречаются именно в цикле о Штирлице:

*Из подвала Кэт видела, как Штирлиц вышел на дорогу и стал **стрелять**,*

*"**Стрельни** и мне одну!" — крикнула она.*

*Выпив, Штирлиц склонился над картой. Его **неудержимо рвало на Родину**.*

Обычно лексическая игра с фразеологизмами или клише сопровождается игрой с отдельным словом. Аналитическая единица разлагается на составные, подыскивается омонимичный к компоненту и образуется окказиональный контекст:

*Однажды Чукча нанялся красить пароход. Покрасил. Пришла комиссия принимать работу. Смотрят и говорят: "**Чукча, а почему Вы пароход только с одной***

стороны покрасили?" - "Однако, Чукча не дурак! Чукча договор читал, там написано: Чукча - с одной стороны, Речфлот - с другой стороны!"

В следующем анекдоте встречаем сленговый фразеологизм, неперебиваемый в силу несоответствия не только польской и русской языковых, но и когнитивных картин мира. Попытаться найти им аналог в польском языке бессмысленно, поскольку в самой польской действительности нет аналогий отраженным в них явлениям.

Встречаются два новых русских. Один на рыбалку, другой — уже оттуда с полным багажником рыбы...

- *Братан!!! Ну ты в натуре крутой!! Как ты столько наловил? Ё-мое!*
- *Чувак, эт просто... Берешь в каждую руку по пять удочек... растопыриваешь пальцы и закидываешь...*
- *Тормози! Блин, а наживка...?*
- *Братан, лови на понт...*

Обыгрываться с точки зрения формы могут не только омонимиды (в традиционной терминологии — полисемичные слова), но и чистые омонимы, а то и омофоны:

Чукчу спрашивают:

- *Хочешь быть почетным академиком? А то у нас ни одного академика-чукчи нет, обидно даже.*
- *Ну, если только по четным... По четным академиком буду, а по нечетным - олешек пасти!*

Врезается в 600 мерс запорожец. Вылезает из мерса новый русский, подходит к запорожцу, а там скукоженный очкарик сидит. «Братан» поднимает очкарика за лацканы пиджака:

- *Ты ктоооооо?! – спрашивает.*
- *Я писатель...*
- *Какой такой писатель!?*
- *Прозаик...*
- *Про каких на фиг заек!?...*

Здесь уже не классическая омонимия, а скорее омоформное смешение свободного словосочетания со словоформой. В следующем случае лексический характер анекдота осложнен фонетическим аспектом, так как оно предназначено исключительно для устного произнесения «Штирлиц увидел голубые **ели**. Присмотревшись, он заметил, что голубые не только **ели**, но и пили». На письме их эффект заметно ослабевает. Ср. правильное написание: «Штирлиц увидел: голубые ели».

Частым лексическим приемом создания юмористического эффекта в анекдотах (а также в примыкающих к ним полуанекдотах-афоризмах) является паронимия, причем как собственно словесная, так и на уровне аналитических единиц: «Она была очень частолубивой женщиной», «Ненарочное зачатие», «Нам песня строй пережить помогает» или «Лучше быть первой Майей, чем восьмой Мартой».

Иногда лингвистическим «поводом» для игры слов в анекдотах становятся антонимы или лексические оппозиции: «Гестапо обложило все **выходы**, но Штирлиц **вышел** через **вход**», «Каждый мужчина имеет **право налево**» или «Если человека нельзя **купить**, то его можно **продать**».

Предметом обыгрывания могут быть и синонимы, особенно пара, в которую входит исконное и синонимичное ему заимствованное слово. В. Матезиус отмечал, что исконные (привычные уху и системно включенные) слова родного языка психологически обретают для носителя языка т.н. «домашний привкус» («domáci pŕíchut»). Это явление может стилистически и семантически разводить такие синонимы: «**летописец** (всегда древнерусский) – **хронист** (всегда западный)», «**азбука** (кириллическая) – **алфавит** (любая, родовое понятие)», «**языкознание**» (русское, общее, историческое, традиционное) – «лингвистика» (западная, структурная,

современная, формальная, трансформативная, генеративная, функциональная). Несколько сложнее отношение в синонимичной паре «опыт : эксперимент», где «домашний привкус» делает слово «опыт» совершенно нейтральным, а отсутствие такового в слове «эксперимент» облегчает его использование в коннотированных контекстах, вроде «формальные эксперименты», а также накладывает отпечаток на производные «экспериментальный» (театр, искусство), «экспериментаторство», «экспериментировать». Это напоминает дистрибуцию слов «разведчик» (свой) и «шпион» (враг):

Штирлиц зашел в свой подъезд. На стене было написано: "Штирлиц — русский шпион!" Штирлица это задело. На следующий день на стене было написано: "Штирлиц — русский разведчик!"

Юмористический эффект может создаваться и за счет игры созвучия русских слов или уже освоенных заимствований с иностранными словами:

«Нью-Йорк, 42 этаж офисного небоскреба. В лифт входят русский и американец.

«Down? – спрашивает американец». «Сам ты даун!» – отвечает русский».

В филармонии мужчина наклоняется к сидящему перед ним человеку:

– *Тише, увертюра.*

– *От увертюры слышу.*

Здесь обыгрывается не только уже упоминавшаяся выше речевая модель отговорки, но и сам факт непонятого для персонажа в силу его слабого культурного фона заимствованного слова «увертюра». Роль заимствованных слов в русском и польском неидентична в силу различной культурной ориентации. Ориентация польского общества на западноевропейскую культуру и латинизированную традицию постоянно подкреплялась католической церковью, в то время как русская православная и славянофильская традиция всегда рассматривала заимствования (особенно с латыни и западноевропейских языков) как засорение языка. Обыденно-разговорный русский язык обычно избегает заимствований. Иноязычные по происхождению слова в «низовой» русской культуре зачастую ассоциируются с ругательствами или, по крайней мере, с «культурным» способом нанести оскорбление. Вспомним реакцию героя Ф. Мкртчяна в «Кавказской пленнице» на слово «волонтаризм»: «В моем доме прошу не выражаться!».

К стилистической разновидности лексических анекдотов можно отнести анекдоты, обыгрывающие «непонимание» персонажем стилистической специфики официального общения. Ср. два похожих анекдота:

– *Товарищ прапорщик! К тебе жена пришла!*

– *Не к "тебе", а к "вам"!*

– *Нее, к нам она вчера приходила.*

– *Товарищ лейтенант, тебе пакет.*

– *Не "тебе", а "вам"!*

– *А нам он на кой?*

Иногда юмористический эффект может достигаться за счет трансформирования принятых стилистических шаблонов: «Новый русский пишет объявление в газету: сниму 3-х комнатную квартиру. Чистоту и порядок в районе гарантирую». Фраза «Чистоту и порядок гарантирую» вполне привычна для объявлений о найме жилья. Но поправка «в районе» совершенно меняет весь семантический фокус фразы. Аналогична процедура трансформации привычного стандарта поведения на посту в целой серии анекдотов о «Чукче» на посту:

– *Стой! Стрелять буду!*

– *Стою.*

– *Стреляю.*

– *Стой! Скажи пароль!*

– *Пароль*

– *Проходи!*

– *Стой! Скажи*

пароль «Сокол».

– *«Сокол».*

– *Проходи!*

Такого рода лексические анекдоты можно было бы назвать речевыми, поскольку здесь не столько используются, сколько трансформируются инвариантные лексические

признаки знаков. Второй разновидностью лексических речевых анекдотов можно считать такие, юмористический эффект которых основан на актуализации значения лексической единицы в необычном или неожиданном речевом контексте:

- *Почему люди не летают?*
- *Вопрос надо ставить корректнее: почему люди не летают вверх? или Обкуренный(ая) наркоман(ка) сидит в комнате. В дверь стучат. [варианты]*
- *Кто там?* – *Кто там?*
- *Я.* – *Это я, мама! [Мама, это я!]*
- *Я? Да ты гонишь!* – *Да ты гонишь! Мама – это я!*

В последнем случае речевая семантика в значительной степени сопряжена с синтаксической семантикой (обращение «Мама» воспринято как номинативное предложение, синонимичное предложению «Это я»).

На пограничье речевой лексической и синтаксической семантики реализуется юмористическая задача в анекдотах:

<i>Анка:</i>	<i>Пьяный выходит из бара, ловит такси:</i>
– <i>Василь Иваныч, картошка - вся.</i>	– <i>Свободен?</i>
– <i>Ну, вари всю.</i>	– <i>Свободен.</i>
	– <i>Потанцуем!</i>

Таковы все так называемые «абстрактные» анекдоты, построенные на абсурде и логических трансформациях: «Летит ворона с двумя глазами, особенно правый», «Едут по прерии два ковбоя. Один лысый, второй в яму провалился», «Корова на дерево лезет. Ее спрашивают: «Ты чего на дерево лезешь?» «Яблоки есть». «Так это ж береза». «А у меня – с собой».

К речевым лексико-синтаксическим анекдотам можно отнести и отмеченный «черным юмором» цикл «педагогических поучений» о Вовочке. Анекдоты с "Вовочкой", появившиеся в конце 60-х годов, пародировали одну из стандартных формул родительского обращения к ребенку, в которой запрещение какого-либо конкретного действия дополняется соответствующим требованием более общего характера:

- Вовочка, не трогай дедушку за нос! И вообще - отойди от гроба!*
- Вовочка, не качайся на папе! Он не для того повесился, а чтоб тихо было!*

Анекдоты такого типа непосредственно сближаются с чисто когнитивными, неязыковыми анекдотами, суть юмора в которых состоит в обыгрывании некоторого участка когнитивной картины мира, т.е. касается не собственно языковой формы выражения, а ситуативной или этнокультурной семантики. На пограничье лексического речевого и когнитивного типов находятся анекдоты вроде «компьютерных»:

- *Алло! Техотдел?! Я пароль набираю — а меня не пускают!*
- *Значит, правильно набирать надо.*
- *Я правильно набираю! Пять звездочек!*

Чем отличается начинающий программист от опытного? Начинающий думает, что в килобайте 1000 байт, а опытный - что в километре 1024 метра.

Молитва программиста: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа - ENTER». Молитва чайника: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа - RESET. «Молитва продвинутого чайника: "Во имя Отца и Сына и Святого Духа - Ctrl+Alt+Delete».

2. Формально-грамматические анекдоты

а) Словообразовательные

Словообразовательные анекдоты представляют собой разновидность формально-грамматических текстов, юмористический эффект в которых строится за счет

обращения внимания на морфемную структуру или способ образования лексической единицы:

Старшина объясняет новобранцам суть земного притяжения.

- *Если, например, камень подбросить вверх, то он упадет на **землю**, это означает, что на него действует сила **земного** притяжения.*
- *А если он упадет в **воду**? - спрашивает новичок.*
- *Это нас не касается, этим занимаются на флоте.*

Иногда такого рода анекдоты сопряжены с реальной или мнимой ретимологизацией, произвольной формальной игрой и образованием окказионализмов. Типичными в этом смысле являются многие анекдоты из серии каламбуров о Штирлице. Довольно часто эти каламбуры строятся на транспозиции, заключающейся, главным образом в адвербиализации или на разрушении наречий, возникших в результате сращения, а которых уже никто не воспринимает по отдельным некогда словам, образующим сейчас одно слово:

*Штирлиц кормил немецких детей **украдкой**. От **украдки** дети пухли и дохли.*

*Штирлиц выстрелил в **упор** и **упор** упал.*

Словообразовательные анекдоты условно можно разделить на корневые и аффиксальные, хотя это деление и не универсально. Его следует дополнить делением по критерию модельности // окказиональности.

Типично окказиональными словообразовательными анекдотами могут считаться следующие:

Студент, деньги кончились, осталось на телеграмму домой на одно слово:

*«**Пятидесятирублюйте**».*

На выпуск шампуня «Низорал» отечественный производитель ответил шампунем «Верхмолчал».

К корневым словообразовательным можно отнести те, в которых обыгрывается значение корня или основы, а также производится искусственная декорреляция (перемотивация) словообразовательной структуры:

*Кем ты работаешь? - **Фармацевтом**. - А мне говорили - программистом... - Ну да! - ??? - Я диски **форматирую** в офисе!!*

Идет врач по коридору больницы, а навстечу ему бабушка – божий одуванчик.

- *Мил человек, подскажи, где здесь **глазник**?*
- *По коридору налево, бабушка, только не **глазник**, а окулист.*
- *Вот спасибо! А не подскажешь, где тут **зубник**?*
- *Это вам нужно этажом выше подняться. Только не **зубник**, а стоматолог.*
- *А ты сам-то, мил человек, кто будешь?*
- *Не знаю, бабуля, как по-вашему, но вообще-то я **гинеколог**.*

Словообразовательные анекдоты, юмористический эффект которых основывается на обыгрывании аффиксов (реальных или окказионально вычлененных) можно отнести к группе аффиксальных: *Меняю **проигрыватель** на **выигрыватель**.*

Однажды сидит Чукча в чуме. Вдруг в чум влетает человек, начинает кружиться под потолком и приговаривает: "Я – Карлсон!" Чукча спрашивает: "А где твой товарищ?" - "Какой товарищ?" - "Ну как же – Фридрихсон..."

Часто словообразовательная структура слов-аналогов в русском и польском не совпадает. В таких случаях в одном языке возникают определенные мотивационные и семантические ассоциации, а в другом – нет. В художественной речи (а также в юмористическом типе разговорной речи) могут на этом основании возникать тропы, например, этимологические фигуры и гомеоптоны. Перевод таких случаев весьма затруднителен, что доказывает факт наличия словообразовательной квазианалогии: русс.: «Привлекательные женщины отвлекают»

Отдельное место в формально-деривативной квазианалогии занимают случаи осложненные внутренней языковой омонимией или паронимией, позволяющей носителю языка использовать эти явления для создания образности, игры слов, поиска неординарных мыслительных аналогий и под. Иностранец, не знающий этих нюансов, при этом может попадать в затруднительное положение. Но даже если он настолько хорошо знает иностранный язык, что понимает указанную формальную игру, отсутствие аналогичных деривативных возможностей в родном языке не позволят ему адекватно перевести это высказывание с иностранного языка. Так, совершенно непереводаемыми с польского на русский являются формальные квазианалоги в следующих морфемных языковых играх:

«– *Podwieźć Cie? – Nie, po dwieście pięćdziesiąt*», «*Pani ranna? – Nie, całodobowa*», «*Brak kwiatka? – Bez*», «*Pół stolicy dla psa? – Buda*», «*Jak nazywa się byk po kuracji odchudzającej? – Skurczybyk*»⁴ (русские «ранняя – раненная», «подвезти – по двести», «без – сирень», «будка – Буда» не являются омонимичными или паронимичными).

б) Морфологические

В анекдотах, которые мы определили как морфологические, юмор строится на обыгрывании собственно грамматических моделей словоизменения (формообразования). В силу того, что в морфологии исследуется как образование словоформ, так и их употребление в речи, морфологические анекдоты мы подразделили на: а) парадигматические, где обыгрывается само формообразование (обычно ненормативное) и б) синтагматические, в которых обыгрывается характер употребления грамматических форм слов.

К типично парадигматическим относим морфологические анекдоты с явными нарушениями словоизменения:

- *На Вам муха.*
- *Не «На Вам», а «На Вас».*
- *На мну?*
- *Не «на мну», а «на мне».*
- *Я и говорю, что на Вам.*

С синтагматической же точки зрения в морфологических анекдотах чаще всего мы встречаемся с игрой омоформами. В обыденных коммуникативных ситуациях практически не встречаются контексты, в которых можно применить две фонетически тождественные словоформы, поскольку разговорная речь избегает неясных, двусмысленных контекстов: «*Бежит Чукча по улице и кричит: «Свободу Горбачеву! Свободу Горбачеву!» Его останавливают. «Вы с ума сошли?» – «Однако, только что по радио слышал: «В заключении Михаил Сергеевич Горбачев сказал...!»*» (игра строится на фонетическом совпадении различных падежных форм оминимой «заключение» в предложно-именных конструкциях), «*Новый русский подходит к таможеннику в аэропорту для прохождения таможенного контроля. Таможенник: «Так. Откуда прибыли?» «Ты шо, братан? Какие прибыли, в натуре – одни убытки»*» (омоформия падежной словоформы существительного и личной формы глагола) или «*На столбе: Перевозу с немецкого и армянского на Ваганьковское»*» (омоформия глаголов «переводить» и «перевозить»).

⁴ Данные случаи представляют собой внутриязыковую формально-деривативную игру, психолингвистической основой которой является феномен псевдоэтимологизации (как в русских «спинжак», «Достаевский»). Последний же случай усложнен омонимичной игрой с известным польским ругательством. Более сложным случаем псевдоэтимологизации в соединении с омонимичной реминисценцией является фраза «*Наши поезда самые поездатые поезда в мире*»

К синтагматической разновидности морфологических анекдотов можно отнести и такие, в которых юмористический эффект возникает из-за несоответствующего (ненормативного) использования нормативных грамматических форм (например, числа):

Из новостей. Ростовский прокатный стан начинает выпуск труб различного диаметра. Первая труба различного диаметра уже сошла с конвейера.

в) Синтаксические

Самый сложный и вместе с тем наиболее распространенный (частотный) и типологически разнообразный вид формально-грамматических анекдотов, это тексты, юмористический эффект которых построен на обыгрывании синтаксических моделей. Собственно структурная характеристика синтаксической единицы часто осложнена актуально-семантическим фактором. Некоторые анекдоты такого типа можно определить как прагматические (семантико-синтаксические), поскольку в них обыгрывается цель высказывания. Но есть и собственно-структурные анекдоты, построенные только на игре со структурой (моделью) предложения.

С чисто формальной точки зрения можно также выделить следующие аналитические подгруппы анекдотов: а) микросинтаксические – уровень модели словосочетания, б) собственно-синтаксические – уровень предложения, в) макросинтаксические – уровень СФЕ и текста.

Чукчу предупредили, что московские таксисты – жулики. Приехал Чукча в Москву, проехался на такси. Ему водитель говорит: "С вас три - двадцать пять." Чукча думает: "Чукча не дурак, Чукчу не обманешь." И начинает отсчитывать: раз - двадцать пять, два - двадцать пять, три - двадцать пять.

В данном случае разрушается модель словосочетания, означающего, в сокращенной форме, определенную сумму денег, и применяемого русскими в разговорной речи. Обыденное общение тяготеет к экономии, краткости изложения, поэтому ему свойственны логико-синтаксические сокращения. Это касается, в первую очередь, временных и количественных характеристик. Любое речевое сокращение закладывает наличие соответствующей модели в языковой картине мира. Дословно воспринятая фраза такого типа приводит к недоразумениям, совершенно меняя прагматику высказывания. Анекдот использует, кроме того, общепринятое положение о низком интеллектуальном уровне жителей крайнего севера.

Особенно важным для экспликации цели высказывания является порядок слов, установление ремато-тематических отношений. В следующем анекдоте при помощи собственно синтаксических приемов на уровне предложения (игра с синтаксической функцией дополнения и обстоятельства места) обыгрывается цель высказывания:

- Ты же на мне обещал жениться!
- Мало ли, что я на тебе обещал.

К собственно синтаксическим относим и предложения с нарочито усложненной структурой (например, кольцевой):

- Рабинович, ваша дочь уже вышла замуж?
- Таки нет.
- Ой, ну да. Она все-таки слишком умная, чтобы выйти за того идиота, который согласится на ней жениться.

Среди собственно-синтаксических структурных анекдотов есть и такие, суть которых состоит в синтаксическом параллелизме двух предложений, например, вопроса и ответа. Вопрос начинается со слов «правда ли, что ...» и самый простой ответ на него это «да» или «нет». За ответом «да» следует «дополнительная информация», которая, в конечном итоге, противоречит подтверждающему ответу.

- Правда ли, что академик Амбарцумян выиграл "Волгу" по лотерее ?

- Да. Только не академик, а футболист и не по лотерее, а в преферанс, и не выиграл, а проиграл, и не Волгу, а сто рублей.

Эти два предложения построены параллельно, однако точный параллелизм касается лишь двух первых элементов, а нарушается он в конце и становится обратным для того, чтобы выдвинуть на значимое место – абсолютный конец – самую важную информацию: что, в общем ничего не случилось, так как все обошлось в сто рублей. Тут обыгрывается также макросинтаксическая речевая модель диалога с использованием фраз «правда ли, что..?» и «да, только...», где дополняющий ответ частично, или, как в нашем примере, полностью противоречит слову «да».

К текстам, обыгрывающим макросинтаксические модели относятся и пародии на тексты народных сказок «Посадил дед репку. Вышел Репка и убил деду» или «Вышла Василиса во широко поле. Вскинула голову, всплеснула руками, обернулась трижды селезнем, ударилась оземь, да и отбросила копыта».

Среди макросинтаксических моделей выделяются поведенческие анекдоты, обыгрывающие модели коммуникативной речевой деятельности. Интересным примером такого текста является анекдот, в котором юмор строится на модели расшифровки нерасслышанного через произношение по буквам, названным именами, начинающимися с этих букв. Эта речевая модель применяется при дистантном общении, особенно в телефонных разговорах и она широко распространена не только в России, но и в Польше, а также в других странах. Исходным пунктом данного анекдота является неправильное восприятие паремического выражения «с Богом», которое в сочетании со словом «спать» особым образом ретимологизируется. Соль анекдота в игре с моделью речевого поведения, которая не срабатывает, поскольку она совсем не так квалифицируется героиней анекдота – «женой, у которой муж в командировке».

Новый русский уехал на Канары погреться, а самого жаба давит, как там жена дома, чем занимается и т. д. Вечером звонит:

- Как дела, что делаешь?
- Сплю, милый.
- Ну спи с Богом.
- С кем, с кем?
- С БОГОМ!
- С кем?
- С БОГОМ! Борисом, Олегом, Григорием, Олегом, Михаилом.
- А с Олегом зачем два раза - он что, твой партнер по бизнесу?

Следующим примером пародирования речевого поведения является игра с шифровкой и дешифровкой утаиваемой информации. Столкновение двух совершенно разных ситуаций (измена жены и ее смерть) и применение для их определения одних и тех же клишированных выражений посредством макросинтаксической модели играет смыслообразующую роль и создает юмористический эффект.

Муж уезжает отдыхать и просит соседа присмотреть за женой:

- Если загуляет, давай телеграмму: "Жена умерла", а я пойму. Через неделю приходит такая телеграмма, а мужчины в номере не оказалось. Сердобольные друзья дают ответную: "Сообщите, когда похороны". Получил сосед такой ответ и пишет: "Когда похороны - не знаю, но доступ к телу продолжается".

Отдельным типом анекдотов, оперирующих одновременно синтактикой и речевой семантикой являются те, юмористический эффект которых заключаются в синтаксической энантиосемантике: «Звонок в реанимацию: «Доктор? Скажите, а больной Сидоров еще жив?» «Еще нет...» или «Есть ли жизнь на Марсе?» «Тоже нет». В последнем случае отрицательный ответ осложнен словом «тоже», которое не заложено в вопросе и таким образом представляет собой более сложное явление в силу имеющихся в виду фоновых знаний. В частности, этот анекдот отсылает к популярным

в Советском Союзе в 50-60 гг. научно-публицистическим дискуссиям в связи с крупными достижениями россиян в области космонавтики.

Говоря выше о лексических анекдотах, мы подчеркивали наличие переходного звена между речевой лексической и синтаксической семантикой. Здесь же следует обсудить явление собственно-синтаксической речевой семантики. Смысл синтаксической единицы не является суммой значений отдельных лексических единиц, а восходит к когнитивной картине мира и актуальным речемыслительным процедурам. Поэтому он проявляется не в семантике отдельных лексем, а в целостной семантике предложения (СФЕ, текста). Грамматическая же структура синтаксических единиц, порождающая и эксплицирующая содержание речевого отрезка, в анекдотах такого типа практически не задействуется: *«Табличка в кабинете врача: «ЦВЕТЫ И КОНФЕТЫ НЕ ПЬЮ».* Надпись на табличке является своего рода логико-семантическим сокращением. Вместо того, чтобы писать, что подарки в форме цветов и конфет не принимаются, а только такие, которые можно пить, дается все это в одном кратком предложении. Одновременно, подразумеваются тут, конечно, что речь идет об алкогольных напитках.

Очень часто анекдоты, базирующиеся на бытовых речевых моделях, лексико-синтаксических клише, обладающих зафиксированными за ними стандартными значениями, ставят определенные клише или выражения в необычный контекст:

– *Который час?*

– *Без пяти одиннадцать.*

– *Шесть, что ли?*

Обратим внимание, что в последнем случае юмористический эффект возникает из-за резкой смены логики восприятия стандартного ответа.

3. Фоно-графические анекдоты

а) Фонетические

Как уже было сказано выше, анекдотам свойствен, главным образом, устный характер бытования. Есть анекдоты, приведение которых в письменной форме снижает их юмористический эффект: *«Почему слово "квас" пишется вместе, а "к вам" – отдельно?» «Потому же, почему "ананас" пишется вместе, а "мы ее" – отдельно».*

Смыслообразующую роль в анекдотах фонетического типа могут выполнять как просодические явления (включая интонацию), так и собственно сегментные и суперсегментные фонетические единицы, такие как звуки, их сочетания (аллитерация, ассонанс, звукоподражание), слоги, фонетические слова, синтагмы и фразы. Поэтому мы обособили собственно-фонетическую и интонационную разновидности этого типа анекдотов.

В кабинет с надписью «Логопед» робко просовывает голову мужчина и спрашивает: «Мона?» «Не мона, а нуна!» – отвечает логопед.

Этот анекдот можно назвать ситуативно-фонетическим, поскольку юмор строится на эффекте обманутого ожидания, связанного с речевой патологией самого логопеда.

В группу интонационных анекдотов естественным образом помещаются все анекдоты, в которых определенная интонация «неисконно русской речи» в т. н. этнических анекдотах, становится неотъемлемой частью его перформанса, зачастую, она сама по себе представляет соль анекдота. Нам иногда приходилось слышать от исполнителей: «Вот хороший анекдот, его по-грузински надо рассказывать - жалко, я так не умею...» - В некоторых случаях такие рассказчики предпочитают воздерживаться от воспроизведения текста и ограничиваются пересказом сюжета. Передразнивание акцента Ю.Н. Тынянов называл речевой пародией.

Урок русского языка в грузинской школе. «Дэти! Запомнытэ, ибо понят это НЕВОЗМОЖНО. Слова ТАРЕЛЬКА и БУТЫЛЬКА пишутся бэз мягкий знак, а слова

МОЛ, СОЛ и ФАСОЛ с мягкий знак. Да, а для слова ПАСЫЛЬКА есть провэзрочный слово БАНДЕРОЛ»

В следующем анекдоте обыгрывается не столько омофония, сколько паронимичное созвучие словоформ и конструкций, соотнесенных с разными семантическими рядами:

Мужик перед деревом стоит: (задумчиво) «Хочу ли я?.. Могу ли я?.. Давно ли я?.. А!!! Магнолия!».

б) Графические

Графические анекдоты это такие тексты, юмористическая суть которых состоит именно в их графическом оформлении. Это значит, что они должны приводиться преимущественно в письменном виде. Пересказать такой анекдот в устной форме довольно сложно.

Как узнать Билла Гейтса на футбольном матче?

Все кричат: "Оле,оле-оле-оле-е-е-е!", а он - "OLE, OLE-OLE-OLE-E-E!!!"

Чисто графическим анекдотом можно считать анекдот «Штирлиц пишет письмо на родину: «>cnfc Fktrce». Посмотрел на экран выругался и переключил регистр на русский». Запись на русской клавиатуре в английском режиме содержит начало всех шифровок Штирлица: «Юстас Алексу».

Но в чистом виде графические анекдоты встречаются очень редко, поскольку это явление противоречит самой сути анекдота как устного творчества. Поэтому мы выделили следующие переходные группы таких анекдотов: фоно-графические, интонационно-графические и семантико-графические анекдоты.

К первому типу можно отнести анекдот, юмор которого заключается в омофонии, максимально «работающей» именно вследствие прочтения письменного текста. Существенные для нас части интернетового адреса при устном пересказе необходимо разделить словом «точка», поскольку надо учесть каждый графический знак. Написанная же форма не требует называния пунктуационных знаков, поэтому юмористический эффект становится ярче.

Спрашивают у премьер-министра Норвегии:

– Почему у Вас нет адреса а Интернете?

– Ну а вы сами посудите, что за название получается – premier.minister@gov.no!

Приведение следующего фоно-графического анекдота в устной форме вполне допустимо, но суть заключается в графическом образе фамилии, воспринятой персонажем анекдота не как одно слово, а как свободное словосочетание (поэтому мы тут встречаемся еще и с обыгрыванием микросинтаксической модели):

Новый русский приходит в книжный магазин:

– У вас книжки есть?

– Конечно.

– Мне нужна книга "Тридцать щенков".

Продавец все каталоги перерыл:

– Нет, такой у нас нет.

– Ну как же, мне тут дочь написала.

– Дайте посмотреть... А, так вам Зоценко нужен.

Интонационно-графические анекдоты по своей сути весьма похожи на фонетические интонационные анекдоты. Оба типа изначально предназначены для перформанса, в обоих юмор заключается именно в интонации, но анекдоты, которые мы зачили в группу интонационно-графическую, требуют дополнительных ремарок, обозначающих в написанном виде специфику их рассказывания. Это прежде всего выделения графом и знаки препинания, благодаря которым можно передать различные оттенки интонации.

Недавно в продажу поступила очень полезная книга «Как бросить пить». К сожалению, в заголовок книги вкрались две опечатки – лишняя запятая и вопросительный знак: «Как, бросить пить?»

К интонационно-графическому подтипу можно отнести и следующий компьютерный стих:

123-02-12

120-3-4-5

5-40-318

14-1- 0-5

В семантико-графических анекдотах упор делается на том, что посредством графических знаков можно передать не только определенное значение, но и некий когнитивный смысл. Анекдоты такого типа относим одновременно к типу речевых, так как в них обыгрываются модели поведения или внеязыковые ситуации. Например, типичная аллюзия на загрузку компьютера:

Штирлиц считает зарплату в рейхсмарках:

– 1022, 1023, 1024...

«KB MEMORY OK», – подумал Штирлиц.

Итоговые замечания

Таким образом, русскоязычный анекдот – это своеобразный вид текста, содержащий множество внеязыковых (когнитивных, этнокультурных) и чисто языковых сведений. Он в гораздо большей степени, чем польские анекдоты отсылает слушателя к фоновым знаниям или просто к языковому чутью. Восприятие русского анекдота – это сложная герменевтическая процедура, совершаемая носителем языка и культуры автоматизированно. Отсутствие же необходимых для такой процедуры знаний весьма осложняет восприятие русского анекдота иностранцами. Однако и сама межъязыковая квазианалогия (неполное соответствие системных явлений двух языков) является достаточным фактором возникновения затруднений в процессе восприятия анекдотов. Предпринятая нами попытка типологии собственно языковых явлений, наглядно показывает, что при переводе анекдота необходимо принимать во внимание все релевантные для его синтактики, семантики и прагматики языковые факторы, поскольку, как подтверждает наша статья, явление квазианалогии касается всех, без исключения, языковых уровней и подсистем. Именно при разработке проблемы перевода или межкультурного толкования анекдотов межъязыковая квазианалогия наблюдается весьма отчетливо, так как суть такого текста заключается в тонкостях, неулавливаемых часто неподготовленным реципиентом. Выявление межъязыковых квазианалогов лежит в основе перевода любого языкового анекдота. Чтобы понять, на чем основан данный анекдот, приходится обращаться к формально-грамматическим или лексическим моделям и только посредством тщательного анализа можно достичь цели. Одновременно такой умственный труд лишает спонтанности. К тому же наличие дополнительной этно-культурологической и психо-социальной информации довольно часто делает перевод анекдота совершенно невозможным. Единственный путь к улучшению процесса восприятия анекдота лежит через осознание наличия языковых «ловушек» в таком тексте. На них, как правило, и строится языковой юмор. Даже носители языка, у которых все модели родного языка автоматизированы, в некоторых случаях затрудняются, когда им приходится реконструировать конкретную модель. Неносителям же русского языка зачастую данные языковые модели совершенно незнакомы. Обучающиеся языку должны быть с ними ознакомлены хотя бы уже потому, что анекдот занимает в русской культурной жизни чрезвычайно важное место. Анекдот, а особенно языковой, должен стать не только дидактическим объектом (что уже иногда встречается в методиках), но и дидактическим средством обучения иностранным языкам.